

И. С. Мургенев

и

РУССКИЙ МИР

Материалы международной
конференции к 200-летию писателя,
29–31 октября 2018 г.

Москва
2018

ТУРГЕНЕВСКАЯ ПРОЗА В КРИТИЧЕСКИХ ОЦЕНКАХ ЛЬВА ТОЛСТОГО: ЛОГИКА ПРЕФЕРЕНЦИЙ

А. Г. Гродецкая

1. Сложная история взаимоотношений Толстого и Тургенева, включая ссору, прервавшую их общение на 17 лет, подробно изучена, достаточно глубоко исследована и природа их идейно-эстетических сближений и расхождений (см., помимо классических биографических работ, исследования Г. Б. Курляндской, Н. П. Лощина, Л. Д. Громовой-Опульской и др.). Вместе с тем восприятие Толстым литературных взглядов и художественных принципов старшего современника остается перспективным для дальнейшего изучения, в особенности с учетом противоречивости его суждений, специфики критериев оценки литературных текстов и особой логики предпочтений или умолчаний. Краткие замечания Толстого в Дневнике и более пространные в переписке, записях собеседников и мемуаристов отмечены характерной для него резкой субъективностью, пристрастностью, полемичностью, питаемой, как правило, личным отношением к Тургеневу. Его оценки по преимуществу выходят за грань эстетики – в область психологии, морали, общего жизненного и творческого целеполагания.
2. При всей известной противоречивости толстовских высказываний в них есть последовательность: так, он очевидно предпочитал тургеневскую малую прозу его романам, оставив их почти без внимания, среди его произведений неизменно выделял, любя их, «Записки охотника», повести «Затишье», «Ася», статью «Гамлет и Дон-Кихот», лирико-философскую исповедь «Довольно». Более того, в противоречивых оценках Толстого начала и концы оказываются «сведенными». После смерти Тургенева, которую он тяжело переживал, осенью 1883 года Толстой «начал усиленно перечитывать всего Тургенева» (И. Л. Толстой), главным образом, имевшееся в яснополянской библиотеке его последнее прижизненное 10-томное Собрание сочинений (1880)¹, сознавая необходимость переосмысления

---

¹ См.: *Архангельская Т. Н.* Л. Н. Толстой за чтением сочинений И. С. Тургенева в издании 1880 г. (По материалам библиотеки Л. Н. Толстого в Ясной Поляне) // *Спасский вестник.* 2003. № 10. С. 119–132.

как своих с ним отношений, так и значения Тургенева для истории русской культуры. К этому и более позднему времени относится ряд итоговых суждений Толстого: «Тургенев – хороший человек, огромный ум, гуманный...» (запись Г. А. Русанова); «Это был независимый, до конца жизни, пытливый ум <...>. Это был истинный, самостоятельный художник, не унижавшийся до сознательного служения мимолетным потребам минуты. Он мог заблуждаться, но и самые его заблуждения были искренними» (запись Г. П. Данилевского).

Среди замыслов Толстого 1883 года – речь в Обществе любителей российской словесности, запрещенная цензурой и сохранившаяся, и оставшаяся ненаписанной статья о Тургеневе². Основные положения Тургеневской речи Толстого реконструируются на основании его письма к А. Н. Пыпину от 10 января 1884 года.

Главное в высказываниях Толстого после 1883 года – признание «искренности», «правдивости» Тургенева, мысль, опровергающая его широко известные обвинения Тургенева в склонности к «фразе», в «неискренности», «холодности». Суждения Толстого о тургеневской прозе 1850-х годов (например, о «Дневнике лишнего человека»: «Ужасно приторно, кокетливо, умно и игриво» – 47, 73) отразили его идейно-эстетические разногласия и с Тургеневым, и с кругом «Современника», и с «бесценным триумвиратом» (Дружинин, Анненков, Боткин), противостояние любого рода культурной условности и условности литературной (борьба с «фразой» и проч.). Согласно известной формуле Б. М. Эйхенбаума, «Толстой идет к литературе так, как будто ее еще никогда не было <...>»³.

«В Тургеневе, – свидетельствовал П. В. Анненков, – он <Толстой> распознал многосторонний ум и склонность к эффекту – последнее особенно раздражало его, так как искание жизненной правды и простоты и здравомысленности существования составляло и тогда идеал в его мыслях. Он находил подтверждение своего мнения о Тургеневе даже в физиологических его особенностях и утверждал, например, что он имеет фразистые ляжки»⁴.

² См.: Громов В. А. К истории запрещения речи Л. Н. Толстого об И. С. Тургеневе // Яснополянский сборник. 1988. Тула, 1988. С. 43–53.

³ Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб., 2009. С. 166.

⁴ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 375.

3. Как в своих поздних оценках и неосуществленных литературно-критических замыслах, так и в пометах в текстах при чтении «всего Тургенева» в 1883 году, Толстой неизменно обращался к тем его произведениям 1850–1860-х годов, которые выделил сразу, при первом чтении. В 1856 году Толстой покупает и читает трехчастное издание «Повестей и рассказов» Тургенева, в котором выделяет «Андрея Колосова», «Затишье», «Двух приятелей». Издание он отсылает 9 ноября Валерии Арсеньевой, которой был тогда увлечен, со словами: «...по-моему, почти всё прелестно <...>» (60, 104)⁵, однако 10 ноября записывает в Дневнике: «Прочел все повести Тургенева. Плохо» (47, 99).

В разные годы полярно противоположными были толстовские оценки тургеневского «Довольно» (1865), большой интерес представляют мотивы многократного обращения Толстого к этому тексту.

4. Особое место среди пристрастий Толстого занимает тургеневский «Фауст» (1856), известно его признание: «Я всегда говорю: чтобы понять Тургенева, нужно последовательно читать “Фауста”» (запись В. Ф. Лазурского). Неизменным было и внимание Толстого к повести «Затишье» (1854), в «Воскресении» (1899) ее читательницей и горячей поклонницей предстает Катюша Маслова. Глубокий след в творческом сознании Толстого оставила статья «Гамлет и Дон-Кихот» (1860), свидетелем начального этапа работы над которой он стал в Дижоне в феврале 1857 года.

5. Критическими отзывами о романах «Накануне» и «Дым» (в письмах к Фету от 23 февраля 1860 г. и от 28 июня 1867 г.) исчерпываются высказывания Толстого о тургеневских романах. Признав, что «Накануне» «много лучше “Дв<орьянского> гнезда”», Толстой пришел к выводу, что автор принадлежит к числу людей, «которые не знают хорошенько, чего они хотят от жизни». У «одержимого хандрою и диспепсией» Тургенева есть «отрицательные лица превосходные – художник и отец. Другие же не только не типы, но даже замысел их, положение их не типическое, или уж они совсем пошлы». «Вообще меня всегда удивляет в Тургеневе, – добавлял Толстой, – как он с своим умом и поэтическим чутьем не умеет удержаться от банальности, даже до приемов. – Больше всего этой банальности в отрицательных

---

⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1949. Т. 60. С. 104. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, с указанием тома и страницы.

приемах, напоминающих Гоголя. Нет человечности и участия к лицам, а представляются уроды, которых автор бранит, а не жалеет» (60, 324–325). Близка процитированной и толстовская оценка «Дыма». В «Дыме», по его словам, «нет ни к чему почти любви и нет почти поэзии. Есть любовь только к прелюбодеянию легкому и игривому, и потому поэзия этой повести противна». Существенно уточнение: «Я боюсь только высказывать это мнение, потому что я не могу трезво смотреть на автора, личность к<оторого> не люблю <...>» (61, 172). Об «Отцах и детях» сохранилось единственное позднее высказывание Толстого в записи Д. П. Маковицкого, в романе он не принял того, что в поздние годы отрицал в любом романе как условной литературной форме: «...там любовь Базарова к женщине излишня. Писано по шаблону, что в каждом романе должна быть любовь»⁶.

И. С. ТУРГЕНЕВ В 1875 ГОДУ ГЛАЗАМИ И. А. ГОНЧАРОВА

С. В. Денисенко

В декабре 1875 года И. А. Гончаров приступает к написанию своей «Необыкновенной истории», центральным персонажем которой становится И. С. Тургенев. Мы попытаемся понять, что послужило поводом, непосредственным толчком к вербализации давно копившихся эмоций в отношении Тургенева, что привлекло внимание мнительного Гончарова и заставило его взяться за перо.

В январе 1875 года Тургенев предлагает М. М. Стасюлевичу сотрудничество в «Вестнике Европы» Э. Золя, и вскоре начинается публикация «Парижских писем». Гончаров считает Золя эмиссаром Тургенева и неоднократно пристрастно обращается к его публикациям.

В Париже выходит книга С. Куррьера «Histoire de la littérature contemporaine en Russie». Внимание французского автора привлекает прежде всего Тургенев, которого он считает «главой "на-

⁶ Лит. наследство. М., 1979. Т. 90. Кн. 2. С. 526.